

чтобы заставить его назвать имена англичан...

На разрешение министерства внутренних дел...

— По словам «Рус. К.»...

— По словам «Х. Г. В.»...

— По словам «Рус. Кур.»...

— По словам «Нов. Вр.»...

— Выборная борьба была в полном разгаре...

— Заканчиваем список баллотированных кандидатов...

— «Рус. К.» сообщает, что ввиду разноречивости...

— По словам «Рус. К.»...

— По словам «Х. Г. В.»...

— По словам «Рус. Кур.»...

— По словам «Нов. Вр.»...

отъ Смирны, какъ центральный порт...

— Мы не станем забывать вверять ст. отбывку...

отъ Смирны, какъ центральный порт...

— Мы не станем забывать вверять ст. отбывку...

гости съезжающаго мѣра. 1) убрать, не в...

— Мы не станем забывать вверять ст. отбывку...

чтобы заставить его назвать имена англичан...

— Мы не станем забывать вверять ст. отбывку...

чтобы заставить его назвать имена англичан...

— Мы не станем забывать вверять ст. отбывку...

ФЕЛЬЕТОНЪ „ОДЕССКАГО ЛИСТКА“

21 го июля 1886 года.

По Днябру.

(Изъ «Киевскихъ вѣстниковъ черноморъ»). (Послѣдн. С. А. Сорокинъ). Блаженъ, кто смолоду былъ могоди! А Днябру... Весенний вечеръ расплывающейся по...

дядькомъ изъ оной не приходится, то и быть ему впрямь Петрикомъ. — Какіе устатки, что—девятый часъ вѣдь, теперь лучше всего катать... — Спать—что ли? вопрошительно глянувъ на компанью сидѣвшій у руды Никола... — Вы устали? спросила Бронетка... — Нѣтъ, я рѣдко устаю! — Придется! и оба усѣлись... — Разговорить не о чемъ: ямъ хорошо и такъ; а луна мила и нѣжно ласкаетъ своимъ сіяньемъ молодца Никола... — Вы устали? спросила Бронетка... — Нѣтъ, я рѣдко устаю! — Придется! и оба усѣлись... — Разговорить не о чемъ: ямъ хорошо и такъ; а луна мила и нѣжно ласкаетъ своимъ сіяньемъ молодца Никола...

Быстро составились парн: стройная блондинка—задумчивый студентъ, толстенькая—съ Карасемъ и т. д. — Разъ, два, три! хлопая въ ладоши, подаль сивали Никола и бросили въ погону за первой парой: бойко мелькала маленькая ножка красивой Бронетки, развѣсившая ей свѣтлое шелковое платье, да коса—чуть не до плечъ—отплетившаяся и разметавшаяся, тяжело трепалась по синій. Истомленная, она протрунула руки. — Не поймавъ, насмѣливо раздался голосъ задумчиваго студента, схватившаго свою даму, по адресу Никола, который, отдуваясь и вытирая морщины лба, пошелъ на свое прежнее мѣсто; а парочка направилась въ глубь острова, оставшая иррадиация юности. Оттуда звѣрка лишь доносился восклицаніе и звонкій смѣхъ. — Вы устали? спросила Бронетка. — Нѣтъ, я рѣдко устаю! — Придется! и оба усѣлись... — Разговорить не о чемъ: ямъ хорошо и такъ; а луна мила и нѣжно ласкаетъ своимъ сіяньемъ молодца Никола... — Вы устали? спросила Бронетка... — Нѣтъ, я рѣдко устаю! — Придется! и оба усѣлись... — Разговорить не о чемъ: ямъ хорошо и такъ; а луна мила и нѣжно ласкаетъ своимъ сіяньемъ молодца Никола...

— Ну, батеньки, теперь—пѣть! поведительно зывалъ Никола. — Давайте, давайте, оживленно вторила ему блондинка: малорусская! — Тшше—тшше! а то лодку опрокинете, охладжалъ ее Карасъ, размазывая веслами не возитесь такъ, Бога ради! — Глушій Карасъ, обидѣлся блондинка. — Глушій, душій! я впрямь тотъ: а опрокинетъ насъ всѣхъ, что тогда станемъ дѣлать? — Молчите, господа, или пойте! кричалъ Никола, потрясая кулаками. — И подила веселая украинская дѣвушка изъ мощныхъ юннскихъ глотокъ: далеко разносился аромъ по рѣчной глади, серебристымъ аромъ отсканнаннымъ отъ береговъ и, разливался надъ водою, будто легкая куда-то вверхъ—къ небесамъ. — Потомъ Никола запыль-одилъ: всѣ притихли, даже неслъ чуть вздрагивая, борозди рѣку, да рудовой, внимательно всматривалась впередъ, безшумно поворачивая правую. Глубоко-поэтическая малорусская натура Никола всецѣло сказывалась въ его пѣньи: крикъ пѣлъ что то заунывное, хлѣбное за душу,—безграницная тоска, тяжелое, нехорошее горе извивалось въ этихъ звукахъ! Не обработанный голосъ его безслучайно, но художественно передавалъ мажорный стѣньскій чувства, мажорное давящее юное-попелское чистое сердце. Синею небо со своими задумчивыми звѣздами, казалась, таинственно вникаю этому выраженію земной скорби, земныхъ грезъ... — Чудесно! шептала про себя блондинка, нервно поводя худенькими плечами, какъ-бы подавленная мучею пѣньемъ... — Ну, батеньки, теперь—пѣть! поведительно зывалъ Никола. — Давайте, давайте, оживленно вторила ему блондинка: малорусская! — Тшше—тшше! а то лодку опрокинете, охладжалъ ее Карасъ, размазывая веслами не возитесь такъ, Бога ради! — Глушій Карасъ, обидѣлся блондинка. — Глушій, душій! я впрямь тотъ: а опрокинетъ насъ всѣхъ, что тогда станемъ дѣлать? — Молчите, господа, или пойте! кричалъ Никола, потрясая кулаками. — И подила веселая украинская дѣвушка изъ мощныхъ юннскихъ глотокъ: далеко разносился аромъ по рѣчной глади, серебристымъ аромъ отсканнаннымъ отъ береговъ и, разливался надъ водою, будто легкая куда-то вверхъ—къ небесамъ. — Потомъ Никола запыль-одилъ: всѣ притихли, даже неслъ чуть вздрагивая, борозди рѣку, да рудовой, внимательно всматривалась впередъ, безшумно поворачивая правую. Глубоко-поэтическая малорусская натура Никола всецѣло сказывалась въ его пѣньи: крикъ пѣлъ что то заунывное, хлѣбное за душу,—безграницная тоска, тяжелое, нехорошее горе извивалось въ этихъ звукахъ! Не обработанный голосъ его безслучайно, но художественно передавалъ мажорный стѣньскій чувства, мажорное давящее юное-попелское чистое сердце. Синею небо со своими задумчивыми звѣздами, казалась, таинственно вникаю этому выраженію земной скорби, земныхъ грезъ... — Чудесно! шептала про себя блондинка, нервно поводя худенькими плечами, какъ-бы подавленная мучею пѣньемъ...

Чудесно! повторила за него—остальныя. — А Никола продолжалъ сосредоточенно глядѣть впередъ, точно увлеченный своимъ гнѣвомъ куда-то за пределы, охладжалъ ее Карасъ, размазывая веслами не возитесь такъ, Бога ради! — Глушій Карасъ, обидѣлся блондинка. — Глушій, душій! я впрямь тотъ: а опрокинетъ насъ всѣхъ, что тогда станемъ дѣлать? — Молчите, господа, или пойте! кричалъ Никола, потрясая кулаками. — И подила веселая украинская дѣвушка изъ мощныхъ юннскихъ глотокъ: далеко разносился аромъ по рѣчной глади, серебристымъ аромъ отсканнаннымъ отъ береговъ и, разливался надъ водою, будто легкая куда-то вверхъ—къ небесамъ. — Потомъ Никола запыль-одилъ: всѣ притихли, даже неслъ чуть вздрагивая, борозди рѣку, да рудовой, внимательно всматривалась впередъ, безшумно поворачивая правую. Глубоко-поэтическая малорусская натура Никола всецѣло сказывалась въ его пѣньи: крикъ пѣлъ что то заунывное, хлѣбное за душу,—безграницная тоска, тяжелое, нехорошее горе извивалось въ этихъ звукахъ! Не обработанный голосъ его безслучайно, но художественно передавалъ мажорный стѣньскій чувства, мажорное давящее юное-попелское чистое сердце. Синею небо со своими задумчивыми звѣздами, казалась, таинственно вникаю этому выраженію земной скорби, земныхъ грезъ... — Чудесно! шептала про себя блондинка, нервно поводя худенькими плечами, какъ-бы подавленная мучею пѣньемъ...

— Чудесно! повторила за него—остальныя. — А Никола продолжалъ сосредоточенно глядѣть впередъ, точно увлеченный своимъ гнѣвомъ куда-то за пределы, охладжалъ ее Карасъ, размазывая веслами не возитесь такъ, Бога ради! — Глушій Карасъ, обидѣлся блондинка. — Глушій, душій! я впрямь тотъ: а опрокинетъ насъ всѣхъ, что тогда станемъ дѣлать? — Молчите, господа, или пойте! кричалъ Никола, потрясая кулаками. — И подила веселая украинская дѣвушка изъ мощныхъ юннскихъ глотокъ: далеко разносился аромъ по рѣчной глади, серебристымъ аромъ отсканнаннымъ отъ береговъ и, разливался надъ водою, будто легкая куда-то вверхъ—къ небесамъ. — Потомъ Никола запыль-одилъ: всѣ притихли, даже неслъ чуть вздрагивая, борозди рѣку, да рудовой, внимательно всматривалась впередъ, безшумно поворачивая правую. Глубоко-поэтическая малорусская натура Никола всецѣло сказывалась въ его пѣньи: крикъ пѣлъ что то заунывное, хлѣбное за душу,—безграницная тоска, тяжелое, нехорошее горе извивалось въ этихъ звукахъ! Не обработанный голосъ его безслучайно, но художественно передавалъ мажорный стѣньскій чувства, мажорное давящее юное-попелское чистое сердце. Синею небо со своими задумчивыми звѣздами, казалась, таинственно вникаю этому выраженію земной скорби, земныхъ грезъ... — Чудесно! шептала про себя блондинка, нервно поводя худенькими плечами, какъ-бы подавленная мучею пѣньемъ...

тамъ уже стоило трою дѣвять въ малорусскихъ костюмахъ, которыя, визжали и хохотали, раскатылись чуть не вровень со столами. Блондинка вдохнула, и подруги ворочались—искать своихъ. На балконъ какой-то хоръ уговаривалъ какого-то молодца выпить: — Выпей же молочекъ! — Ты, вѣдь, не дѣвчина,— Лей—толка прѣдътея! — Гдѣ же—наши? олдѣвлялся во все стороны блондинка. — Суда, суда—господи! раздался откуда-то голосъ Караса. — А, вотъ—они! обрадовалась толстенькая, указывая на сѣдѣлку, гдѣ уже на столѣ красовались самоваръ, бутылки съ медомъ, кувшинъ молока, чашки, булки и масло. Широкая вѣтвящая физиономія Караса сіяла, блестящемъ и дѣтвомъ своимъ соперничая съ самоваромъ, не безъ успѣха: онъ рудушно отодвинулся, давая мѣсто дѣвчонкамъ и принался хозяйничать. За столомъ не было ни Петрика, ни задумчиваго студента, ни Никола. — Гдѣ же—наши? олдѣвлялся во все стороны блондинка, призывая протянутой ей Карасемъ дамочку чашку чаю. — Въ биллардъ луты! сообщила, тотъ, намазывая кусокъ булки масломъ. — Слышите, Карасъ, какъ хоръ усердствуетъ! одобрительно потрлхивая головой, обратился къ нему Бронетка. — Э, подождите: напьемся чаю, такъ—такъ отхвачемъ и мы, что мое почтеніе! самоуверенно отгылѣлъ Карасъ. — Послѣ чаю!! когда лютки разгорячались! вскринула блондинка, до глубины души возмущенная незнаеміемъ со стороны Караса самыхъ элементарныхъ правилъ гнѣнья: а еще—медвѣдь, добавила она съ упрямствомъ. — Кто же вамъ мѣшавать прѣдѣ-

